

НАУКА УРАЛА

НОЯБРЬ 2001 г.

№ 26 (794)

Газета Уральского отделения Российской академии наук

ЧЕЛОВЕК СВОБОДНЫЙ

опыт Тимофеева-Ресовского

Исходи из вольности. Многое будет достигнуто.

И-Цзин

Читая недавно переизданные «Истории...» Н.В. Тимофеева-Ресовского, невозможно с первых же страниц не подпасть под чары автора, отличного рассказчика, невозможно оторваться от повествования, ведь сам жанр здесь работает без осечки: «История» — через «историю»... Но не в этом, однако, дело. Целостное, я бы сказала, счастливое впечатление от книги связано в первую очередь с цельностью, яркостью, победительным обаянием центрального образа, центральной фигуры — самого Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, человека, в котором все «на особицу», и ученого мирового масштаба — по уровню мышления, мощности и широте интеллекта. Богатая личность, обширный спектр проявлений, связей, ассоциаций... Но один, очевидно, стержневой, компонент этой личности и мотив повествования хотелось бы выделить особо, как, впрочем, выделяют его практически все биографы и мемуаристы: яркая индивидуальность как безусловная внутренняя свобода.

«Это был самый свободный человек, какого я встречал», — уже в наши дни признается Даниил Гранин. — «Главное, он был совершенно независимым человеком... Опыт Тимофеева-Ресовского чрезвычайно поучителен. В любых передрагах человек способен оставаться самим собой, оставаться свободным внутренне, душевно и интеллектуально». Откуда возникают эти черты характера и ума, чем шлифуются и укрепляются, куда ведут и к чему приводят человека, а самое интересное — ученого? На эти вопросы, возможно, и отвечает всем своим содержанием книга, объединившая расшифровку магнитофонных записей устных автобиографических рассказов замечательного биолога с материалами семейной переписки и воспоминаний близких людей.

О свободе как таковой, свободе по отношению к человеку и свободе внутри человека написаны философские тома. Многие видят в свободе качество, присущее индивиду изначально и неотъемлемо. «Человек означает свободу» — утверждает Новалис. «Человек осужден быть свободным», — настаивает Сартр. По мнению же Тимофеева-Ресовского, «Господь создал людей с мозгами и приказал: «живите теперь во грехах, зарабатывайте хлеб насущный, трудитесь и все прочее, и выдумывайте сами себе все что надобно». Религиозная философия, конечно, с этим не согласится: «Свобода, — пишет Г. Померанец, — коренится на самой большой глубине, там, где не остается никакого выбора и не мы свободны, а Бог свободно расправляется в нас». Тем интереснее приблизиться к этим жизнеопределяющим глубинам, попытаться понять, как формируется уникальная личность, за счет чего сохраняет себя в явно неблагоприятных для свободного развития условиях? А кроме того, что же такое свобода ученого? Возможна ли она? Необходима ли вообще?

Подробно, а главное, весьма занимательно рассказывая о своих семейных корнях, Тимофеев-Ресовский сам дает нам почувствовать некий «сквозной ток» энергии, вольнолюбия, деятельной одаренности в чертах своих предков. Кроме обилия просто незаурядных людей в роду, сыграла свою роль семейная культурная традиция, воспитание в лучшем смысле «словом и делом», заложившее действительно нерушимую нравственную основу в человека, вступавшего в самостоятельную жизнь как раз на сломе, на стыке исторических эпох, когда рушилось и перестраивалось не только государство в России — рушились прежние нормы морали, «передельвался» и «перековывался» в угоду новым доктринам сам человек. «Зубр» же именно в это время, что называется, «делал себя сам»: сумел распознать и выделить для себя главную сферу приложения сил — научное познание в биологии, сумел вряд ли ясно увидеть, но интуитивно почувствовать задачи и цель научной работы и начать планомерно к ним продвигаться, не чураясь при этом ни учебы, ни работы, ни войны. В любых условиях — разрухи и беспорядка, голода, фронта — он держался и он выдерживал, сообразуясь не со злобой дня, не с веяниями времени (которые в десятилетия-двадцатые годы частенько на самом-то деле были флюидами отчаяния и масовой истерии); он сверялся со своим внутренним законом, со своими критериями человеческой порядочности. Я думаю, особенно теплые строки воспоминаний Тимофеева-Ресовского о Кольцове, Вернадском, Н. Вавилове, Н. Боре — это и есть его декларация прав и свобод ученого как человека и гражданина: «Как-то вокруг Вернадского не было никакого ни крика, ни шума, терпеть он не мог модничать, не занимался никакой политикой, а вместе с тем был такой либерально-политической личностью, концентрировавшей вокруг себя соответствующих людей: как-то сволочи вокруг него не было... Он как человек, да и как ученый, думаю, с окончания университета и до смерти особенно не менялся. Он всегда был таким вот — Вернадским Владимиром Ивановичем. Был за границей — вернулся из-за границы тоже без скандалов, без покаяний, за границей он делал что хотел, читал что хотел». Верность себе в принципах поведения на основе верности высоким нравственным критериям — вот что восхищало нашего героя в других, вот чем он и сам был наделен в полной мере, чем думается, щедро делился с людьми, чем способен был помочь другому человеку в трудную, даже, попросту говоря, опасную минуту. Не избежав сталинских репрессий, в Бутырской тюрьме Тимофеев-Ресовский организовал «коллектив», на котором заключенные читали друг другу импровизированные лекции на различные темы, а «старый православный попик, совершенно замечательный отец Гавриил, прочел нам три лекции о непостыдной смерти. Почти всем нам это понатребовалось потом. Смысл-то жизни

очень прост — непостыдно умереть, умереть порядочным человеком, чтобы, когда будешь умирать, не было совестно, чтобы совесть твоя была чиста».

Духовная, нравственная основа всякого жизненного пути вообще и деятельности ученого в частности диктует и определенные требования к интеллекту, главному орудию исследователя. Свобода творческой мысли для Тимофеева-Ресовского — это, скорее, необходимое для результативной работы качество мышления. Его привлекает не «свободное» мышление само по себе, а мышление свободного человека: «Мне очень помогало то, что с молодых лет и до теперешнего времени у меня постоянно бывали периодические увлечения чем-нибудь. Я всегда говорил: «Плохо, когда человек теряет любознательность». Любознательность — великая вещь. Но к сожалению, многие люди рано очень теряют любознательность, а у других заменяется мужская любознательность женским любопытством». Впрочем, о том же самом «Зубр» может говорить и юмористически. «Я по-прежнему увлечен науками, а также множеством всяких других вещей: географией, историей животных, солеными, а особенно копчеными, рыбками, водками разных сортов, историей отечественного естествознания и т. д.» — пишет он своему другу А. Реформатскому. Что же — увлеченность как всеядность, разбросанность, всеохватность «по верхам»? Естественно, нет. Но богатство интересов, обусловленное богатством самой личности (в данном случае, личности естествоиспытателя), сообщает научной мысли подвижность, энергию в диалектическом выборе, в синтезе и обобщении, расширяет угол обзора и оценки различных проблем. По мнению Тимофеева-Ресовского, самые что ни на есть теоретические эмпирии мысли — ничто без движения, живого дыхания, готовности к преобразованию и даже к опровержению: «чем неопределеннее представление о сложности живой природы, тем оно истиннее. Старое мышление можно назвать жестким, мышление это, которое обещает вывести мировую формулу... Но зачем тогда все разговоры о проявлении свободной воли? Если все заформулировано, предопределено, то не нужна никакая борьба», — говорил Тимофеев (по записи Ю. Алена). — «Не люблю, когда нынешние биологи стремятся математикой заменить логику. Посмотрите-ка на историю науки, действительно крупные математики никогда не любили засилье формул». Вот откуда — повторяющееся и в высказываниях самого «Зубра», и в мемуарах о нем определение научной работы — как «веселой» работы, нескудной работы, восприятие действительно каждодневного, действительно кропотливого и действительно труда — как радости и праздника. Все вспоминают, как Тимофеев-Ресовский призывал делать науку «без звериной серьезности», себе в радость и в удовольствие. Больше всего в ученом он ценил органическую способность видеть и

себя, и свой предмет, и свою науку в масштабе целого, с философских позиций, во всей сложности внутренних тенденций и внешних взаимодействий. Именно здесь — «залог здоровья» творческого ума, в частности, здорового юмора и ценнейшей для любого человека вообще способности к самоиронии. Глубоко им почитаемый «Нильсушка» Бор в ответ на упрек в несерьезности тона проводимых им научных обсуждений как-то заметил: «... у нас в физике сейчас происходят такие замечательные, интересные и важные вещи, что остается только гаерничать». Масштаб той или иной фигуры в науке Тимофеев-Ресовский никогда не отделяет от масштаба личности, от чисто человеческих достоинств ученого. Мелкая, низкая личность — никакой, как правило, ученый; зашоренность, косность, мелочность запросов и интересов — соответственно, и мизерный результат. Некто «всю жизнь просидел в Институте палеонтологии между шкафами с ископаемыми рыбами, то есть не рыбами, а кусочками ископаемых рыб. И говорят, кое-что в этих ископаемых рыбах понимал. Но так, чтобы он понимал суть дела, того, что вообще происходит на свете и для чего люди живут, этого нельзя сказать», — убийственная характеристика, добавить к ней нечего. Сам же «Зубр» никогда не упускал из сферы своего внимания развитие философской мысли, тенденции гуманитарных наук, литературы и искусства, события в фундаментальной физике, математике. Философия для него — квинтэссенция познавательной способности, методологическая основа наук, философский навык в мышлении, логике, гарантия глубины и надлежащего качества исследования. Философиями, по мнению Тимофеева-Ресовского, «по сути дела, являются святые люди, ... которые знают, как надо жить, и которые показывают людям, как можно жить, для того чтобы не пособачьи умереть. А все прочее — это паразитирование на нас, ученых, с одной стороны, и с другой стороны — друг на друге».

Самое удивительное в этой биографии — разумеется, то, что человек, с детства, с ранней юности вооруженный подобными нравственно-философскими принципами, остался жив, дееспособен и востребован в науке в эпоху жесточайших политических репрессий, по сути являвшихся искоренением духовной оппозиции в Советской России. Свободный человек в несвободной стране: свобода во времени и пространстве, свобода в социуме, в научном сообществе на различных его уровнях — в какой мере это вообще было возможно, чем обосновывалось, или — чем покупалось? «История, — по словам Мераба Мамардашвили, — это драма свободы, в ней нет никаких гарантий. Нет и никакого самого по себе движущегося механизма в истории. Каждая историческая точка окружена хаосом. Если нет напряжения труда — напряжения свободы, требующей труда, — то с этой исторической точки падаешь в бездну». Мне кажется, эти слова не просто приложимы к «случаю» Тимофеева-Ресовского, но как раз и раскрывают механизм выживания такой личности в исторических катаклизмах и общественных передрагах. В опреде-

ленные периоды, в определенных условиях кошмарного существования свобода — это и есть напряженный труд: добывание своей собственной свободы из ничего и вложение, напротив, всего ресурса своей жизни в каждый момент такого — казалось бы, обреченного, а на самом деле, глубоко оправданного труда. Сам-то «Зубр», впрочем, предпочитал говорить об этом без особого пафоса — делая, собственно, житейские: «Я всю жизнь делал всегда то, что хотел, и не изображал из себя какую-то фигуру, которая страдает от того, что ее заставляют все время делать не то, что ей хочется. Таких страдающих людей вокруг меня до сих пор до черта. Если бы они могли, то черт знает что бы наворотили! Врут дьяволы! Просто они лентяи, потому что быть 24 часа в сутки занятым делами не теми, которыми хочешь заниматься — это значит, что ты бездельник. Вообще-то говоря, обычно так бывает: ежели человек не бездельник, он не занят 24 часа в сутки, а занят много меньше и делает то, что он хочет делать, а то, что не хочет делать, не делает. И тогда он живет более или менее нормальной жизнью даже в самых ненормальных условиях». Мы живем, по большей части, не обстоятельствами, а нашим отношением к ним. Подлинный стоицизм, с которым Тимофеев-Ресовский переносил все выпавшие на его долю исторические пертурбации, репрессии, гонения, личные несчастья — это именно умение «не замечать» своего страдания, отдаваясь делу, долгу, защите и помощи другим людям, в данных обстоятельствах более слабым, чем ты, нуждающимся в твоей силе и помощи. О себе же — что горевать? «Более или менее здоров и понимаю что к чему. Так можно пережить и две революции» — вот ответ миру свободного человека. Вот — наука духовной победы и физического выживания. И еще — урок прямого, трезвого, чуть насмешливого взгляда настоящего философа и ученого в лицо всем безобразиям и безысходностям эпохи, жизни, человеческой судьбы.

Е. ИЗВАРИНА

На снимке:

Н.В. Тимофеев-Ресовский с сыном Дмитрием (1924 г., Звенигород)